

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА:
ЛЮДИ, ЯВЛЕНИЯ, ПРОЦЕССЫ
SOVIET ERA:
PEOPLE, PHENOMENA, AND PROCESSES

DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.045
УДК 94(470.5)“1920/1933” + 342.815.1 +
+ 323.173

А. П. Килин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**КНИГОТОРГОВЕЦ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛАГУТКИН (1883–1933):
РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ «ЛИШЕНЦА»**

Статья посвящена анализу социального и экономического положения граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей в годы нэпа, на примере реконструкции биографии рядового гражданина СССР — Василия Ивановича Лагуткина (1883–1933). Методологическую основу исследования составляет антропологический подход и синтез макро- и микроистории. Основным источником исследования является личное дело гражданина, возбудившего ходатайство перед избирательной комиссией о восстановлении его в избирательных правах, утраченных за занятие торговлей.

Специфика биографии Лагуткина заключается в том, что он на протяжении 34 лет профессионально занимался книжной торговлей как до, так и после 1917 г., как в частных, так и в государственных организациях. Легализация частного предпринимательства в 1921 г. позволила ему открыть собственное дело. Его торговля продолжалась до 1929 г. и, по всей видимости, была успешной, но процесс форсированного вытеснения частного предпринимательства из торгового оборота привел Лагуткина к банкротству.

Безработица и высокая профессиональная мобильность в последующие годы, отчаянные, но безрезультатные попытки добиться восстановления в избирательных правах, прогрессирующее хроническое заболевание и ухудшение состояния здоровья в конечном итоге привели его к гибели в психиатрической больнице в Перми в возрасте 50 лет. Будучи лояльным по отношению к советской власти, выражая стремление быть ей полезным, он не смог добиться восстановления в избирательных правах, поскольку решение о восстановлении принималось по формальным основаниям, которым Лагуткин не соответствовал.

Судьба конкретного человека в переходную эпоху позволяет отразить процесс социального конструирования «нового человека», который, вопреки

декларируемым целям, не только провоцировал нисходящую социальную мобильность и негативную социальную селекцию, но в крайних случаях приводил к смерти индивида.

Ключевые слова: нэп; многоукладность; Василий Иванович Лагуткин; книжная торговля; частнопредпринимательский уклад; лишение избирательных прав; восстановление в избирательных правах; социальная селекция; социальное конструирование

Цитирование: *Килин А. П.* Книготорговец Василий Иванович Лагуткин (1883–1933): реконструкция биографии «лишенца» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 53–69. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.045>

Поступила в редакцию: 26.04.2021

Принята к печати: 23.06.2021

Alexey P. Kilin

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

BOOKSELLER VASILY IVANOVICH LAGUTKIN (1883–1933): A LISHENETS' BIOGRAPHY RECONSTRUCTION

This article analyses the social and economic situation of the citizens deprived of suffrage for engagement in trade during the years of the NEP, with reference to a biography reconstruction of Vasily Ivanovich Lagutkin (1883–1933), an ordinary USSR citizen. The methodological basis of the research is the anthropological approach and a synthesis of macro- and microhistory. The main source of research is the personal file of a citizen who filed a petition to the election commission demanding that his right to vote lost for engagement in trade be restored.

The specifics of Lagutkin's biography are that for 34 years, he was professionally engaged in book trade both in private and in state organisations before and after 1917. The legalisation of private entrepreneurship in 1921 allowed him to start his own business. His trade continued until 1929 and, apparently, was successful, but the process of forced removal of private entrepreneurship from trade led Lagutkin to bankruptcy.

Unemployment and high professional mobility in the following years, desperate but unsuccessful attempts to achieve restoration in his right to vote, progressive chronic illness and deterioration of health eventually led to his death in a psychiatric hospital in Perm at the age of 50. Being loyal to the Soviet authorities, expressing a desire to be useful to them, he could not reclaim his right to vote, since the decision to restore it was made on formal grounds which Lagutkin did not meet.

The fate of a particular person in the transition era makes it possible to reflect the process of social construction of the “new person”, who, contrary to the declared goals, not only provoked downward social mobility and negative social selection, but in extreme cases led to the death of the individual.

К е y w o r d s: NEP; mixed economic system; Vasily Ivanovich Lagutkin; book trade; private business structure; disenfranchisement; recovery of voting rights; social selection; social construction

F o r c i t a t i o n: Kilin, A. P. (2021). Knigotorgovets Vasiii Ivanovich Lagutkin: rekonstruktsiia biografii "lishentsa" [Bookseller Vasily Ivanovich Lagutkin (1883–1933): A *Lishenets*' Biography Reconstruction]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(3), 53–69. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.045>

Submitted: 26.04.2021

Accepted: 23.06.2021

Период новой экономической политики, столетие введения которой приходится на 2021 г., с завидным постоянством привлекает внимание исследователей. Это время экспериментов, период, когда активно обсуждались реальные, а не отвлеченные альтернативы развития страны. В поисках выработки механизмов государственного управления реализовывались эксперименты в политике властей в отношении рыночных секторов экономики, в том числе торговли [Твердюкова; Давыдов]. Это был период, когда власть определяла тот предел, до которого можно было нарушать или игнорировать рыночные законы. Необходимость выживания и перманентная «жизнь в катастрофе» определяли стратегию поведения граждан Страны Советов, вынуждая постоянно приспосабливаться [Нарский]. Динамика институциональной среды предопределяла выбор человеком различных стратегий: адаптации, мимикрии, саботажа или сотрудничества. В этом «котле» должен был быть «приготовлен» «новый человек» («человек советский», *homo soveticus*), формирование которого являлось одной из важнейших целей советского проекта [Раннесоветское общество..., с. 180–328]. Маргинализация подавляющей части населения страны явилась закономерным результатом этого процесса.

Homo economicus & homo soveticus. Отметим, что в раннесоветском обществе политическое и экономическое поведение были тесно переплетены и взаимобусловлены, а политический и экономический статус человека неразрывно связаны [Килин, 2021].

Двойственность и неоднозначность своего положения особенно остро ощущали частные предприниматели, так как, являясь наиболее экономически активной частью населения, они были ограничены в политических правах [Килин, 2018, с. 527–562].

Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе [Фицпатрик]. По мнению Г. Алексопулос правовой статус «лишенцев» напоминал «статус евреев и цыган в Третьем Рейхе» [Alexopoulos, p. 28].

Синтез макро- и микроистории. Очевидно, что взаимное обогащение и интеграция микро- и макроистории, а также экономической и социальной истории позволяют воссоздать картину прошлого с большей полнотой и достоверностью [Репина, с. 80].

В этом контексте мы обратились к биографии Василия Ивановича Лагуткина (1883–1933), которая представляется нам как типичной, так и уникальной [Килин, 2020б]. Факты биографий современников исторических событий позволяют подтвердить наши гипотезы и теоретические конструкции, одновременно подвергнуть их сомнению, дают возможность в полном объеме реализовать антропологический подход, привносят «человеческое измерение» в историю.

Источники исследования. Основным историческим источником для реконструкции биографии в нашем исследовании является личное дело гражданина, возбудившего ходатайство перед избирательной комиссией о восстановлении его в избирательных правах, утраченных за занятие торговлей. Анализ личных дел «лишенцев» как исторического источника содержится в целом ряде монографий и диссертационных исследований как отечественных [Смирнова; Карпычева], так и зарубежных авторов [Alexoroulos; Дэвис], в которых оценивается как информационный потенциал документов, так и достоверность содержащихся в них сведений.

Личное дело — это комплексный исторический источник. В нем в качестве самостоятельного документа либо в виде фрагмента заявления гражданина содержатся биографические данные. По определению Ю. П. Зарецкого, это «делопроизводственная биография», которая, формируясь под воздействием внешних формальных требований, создается с целью реализации определенных прав гражданина, что и предопределяет ее структуру и содержание [Зарецкий]. В текстах автобиографий можно выделить несколько сюжетных линий повествования, в том числе посвященную обстоятельствам, связанным со статусом торговца (причины начала и прекращения торговли, ее характер и т. п.), они также включают описание процесса лишения избирательных прав и его последствий [Килин, 2018, с. 527–562].

Биографические данные В. И. Лагуткина содержатся в материалах двух личных дел — его собственного [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 4289] и его жены — Марии Васильевны Лагуткиной, которая была лишена избирательных прав как находящаяся на иждивении мужа [Там же, д. 4292]. Комплекс документов, находящийся в составе личного дела, позволяет воссоздать биографию Василия Ивановича Лагуткина с относительной полнотой.

На момент написания своего первого заявления о восстановлении в правах (29.03.1930) он проживал в г. Свердловск, в Верх-Исетске, на ул. Нагорная, в квартире № 1 дома № 32. Лагуткин был женат на Марии Васильевне Лагуткиной (приблизительно 1883 года рождения). У них было пятеро детей, двое из которых на момент обращения были совершеннолетними и жили самостоятельно.

Книжное дело. В. И. Лагуткин родился 8 апреля 1883 г. в деревне Кинеево Миротинской волости Алексинского уезда Тульской губернии. По его словам, воспитывала его мать без отца, но при этом он имел возможность получить начальное образование в церковно-приходской школе. В заявлении он пишет:

Окончив церковно-приходскую школу, по бедности матери и сиротству (без отца), был 12 лет [1896] отдан в мальчики в г. Златоуст в книжную торговлю некоего Лапухова Я. А. Проработав год в мальчиках, я перехожу в г. Уфу к книгоиздателю Губанову Е. А. [1898], прослужив у него 3½ года издатель прогорает и я перекечываю в г. Кременчуг к Кирилову Е. К. [1903], который имел книжно-писчебумажную торговлю. Послужив у него до призывного возраста, до 1904 г., забракованный по болезни порока сердца, я перекечываю в г. Екатеринбург, где и устраиваюсь на службу с 1905 г. в отделение Книгоиздательства Товарищества И. Д. Сытина, где и работаю вплоть до национализации, т. е. до 1919 г. в означенной фирме [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 4289, л. 10].

Г. И. Поршнева охарактеризовал И. Д. Сытина как личность выдающуюся, «книжное дело в его руках стало доподлинной промышленностью» [Поршнева, с. 121–123]. После национализации книгоиздательства Сытина в 1919 г. магазин, в котором работал Лагуткин, был передан в управление Екатеринбургского губернского отдела народного образования. До 1921 г. он продолжает находиться на прежнем месте в должности заведующего Губернским книжным складом. Именно в этот период он вступает в профсоюз. Однако вскоре на основании медицинского освидетельствования он был уволен. Не исключена вероятность того, что не только состояние здоровья, но и желание улучшить свое материальное положение или иные причины побудили его стать предпринимателем непосредственно в год легализации частной книжной торговли. 1921 год стал переломным в судьбе Лагуткина, поскольку нэп предоставил реальную альтернативу службе в государственных органах. Некоторое время он был безработным, а затем «занялся торговлей книжно-писчебумажными и другими товарами по патенту 3 разряда» [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 4289, л. 12].

Изучая «последних русских капиталистов», А. Болл включил в их состав частных издателей и книготорговцев, которым пришлось преодолевать наследие «военного коммунизма» и возрождать издательский бизнес [Ball, p. 147–148]. Основной отличительной чертой этого периода являлась демонополизация книжной торговли и допущение частной инициативы, которая позволила увеличить выпуск книг и создать торговую сеть для их распространения [Поршнева, с. 136].

В 1920–1930-е гг. на рынке труда исследователями фиксируется высокий уровень мобильности, депрофессионализация и универсализм, т. е. сочетание в хозяйственной практике граждан различных видов деятельности. Напротив, торговая деятельность Лагуткина продолжалась длительное время (1921–1930), велась эффективно и была коммерчески успешной. В этом уникальность его биографии, поскольку он занимался книжной торговлей на протяжении 34 лет,

в том числе 25 лет по найму и 9 лет в качестве частного предпринимателя, и только кампания по ликвидации частника вынудила Лагуткина сменить вид деятельности.

В 1929–1930 гг. по всей стране и на Урале в частности развернулась кампания по насильственной ликвидации частной торговли. Основной причиной стал дефицит ресурсов для реализации планов ускоренной индустриализации, а поводом для ее проведения были выявленные факты недообложения частных предпринимателей. Налоговое бремя резко возросло, а методы взимания недоимок с частника приобрели ярко выраженный конфискационный характер [Килин, 2018, с. 456–477]. Как правило, налоговые претензии ни в коей мере не отражали реального положения дел и не соответствовали уровню доходности частных предприятий. Свердловским городским финансовым отделом были предъявлены требования по возмещению недоимок по налоговым платежам, которые Лагуткин удовлетворить не мог, как следствие, его движимое и недвижимое имущество было конфисковано.

Лишение избирательного права. Непосредственно с момента выдачи ему патента на занятие торговлей в 1921 г. В. И. Лагуткин подпадал под норму о лишении избирательных прав. Его имя находим в списке «лишенцев» по городу Екатеринбург, который датирован 15 октября 1924 г. [ГАСО, ф. 88-р, оп. 9, д. 2, л. 30; Килин, 2020а], но заявление о восстановлении было написано лишь в 1930 г.

Стремление человека восстановить свои гражданские права было предопределено не только социальными и политическими, но и экономическими причинами. Пока доход, извлекаемый из торговой деятельности, позволял обеспечивать себя самостоятельно, более высокие моральные и материальные издержки, обусловленные статусом «лишенца», признавались допустимыми. По мере того как торговля переставала покрывать издержки на содержание себя и членов своей семьи (возрастали материальные издержки, а доходность падала), становилась нелегальной либо появлялись альтернативы на рынке труда, усиливалось стремление граждан дистанцироваться от дискриминируемого вида деятельности.

Борьба Лагуткина за восстановление в избирательных правах была начата в весьма примечательный период, когда государство демонстрировало стремление ликвидировать «ненормальности» и преодолеть «перегибы на местах» в процессе лишения избирательных прав. С этой точки зрения время для подачи заявления было благоприятным. Повсеместное расширительное толкование на местах положений Инструкции о выборах в части ограничений в гражданских правах государство вынуждено было корректировать. С целью пресечения массовых нарушений было издано постановление ВЦИК РСФСР от 10 апреля 1930 г. [О мерах к устранению нарушений...].

С 1930 по 1933 г. в биографии В. И. Лагуткина прослеживаются три параллельные сюжетные линии. Первая была обусловлена проблемой занятости, т. е. потерей и поисками работы, как правило, напрямую не связанной с его

профессией. Этот процесс существенно осложнялся в связи с его статусом «лишенца». Вторая сюжетная линия — это бюрократический процесс, который необходимо было пройти на пути к реабилитации. Третья была предопределена состоянием его здоровья как физического, так и психологического.

Временная занятость. Очень непродолжительный период времени (13.03–01.04.1930) Лагуткин числился чернорабочим строительного отдела Центрального рабочего кооператива, но проработав на постройке холодильников пять дней, он был вынужден уволиться по состоянию здоровья. Такой выбор вида деятельности (чернорабочий) кажется экстремальным, однако для этого есть вполне рациональное основание.

С целью социальной реабилитации бывшие торговцы были вынуждены начинать с нуля, с низкоквалифицированной и грязной работы. В конъюнктурных обзорах Кредит-бюро отмечается:

Ушедший с рынка частник, в связи с неблагоприятной для него конъюнктурой держит себя крайне осторожно. Достаточно сказать, что многие частники работают на черных работах, на которые неохотно идут даже рабочие с биржи. <...> Идя на эту работу, частник имеет в виду зарекомендовать себя в качестве общественно полезного работника с тем, чтобы впоследствии перейти на более легкую работу. Кроме того, частники руководствуются моментами фискального характера — представить себя неимущими для органов фиска [РГАЭ, ф. 7624, оп. 1, д. 127, л. 110].

В биографиях бывших торговцев описываются все тяготы такого труда, к которому многие по состоянию здоровья или ввиду пожилого возраста были не приспособлены.

12 мая 1930 г. В. И. Лагуткин, вопреки статусу «лишенца», был поставлен на учет Свердловской биржей труда, поскольку официальное трудоустройство безработных считалось легальным, только если оно осуществлялось по направлению биржи. Отметим, что впоследствии сотрудники Биржи труда исправили свою ошибку. С 18 мая по 3 июня 1930 г. он работал конторщиком на постройке № 7, организованной «Уралжилстроем». С 8 по 16 сентября 1930 г. занимал должность счетовода в материальном отделе управления «Уралпромстрой», а после реорганизации управления был откомандирован в распоряжение «Свердловскстроя», где числился счетоводом центральной бухгалтерии до 1 ноября 1930 г. Затем ввиду сокращения объема работ был уволен. Следующим местом занятости В. И. Лагуткина была контора «Домгоспромурал», где он был счетоводом и откуда уволился без выходного пособия 12 декабря 1930 г. Спустя некоторое время ему вновь повезло — он получил место счетовода в финансовом отделе «Уралсельстроя». Последнее место работы Лагуткина, на котором он продержался более длительное время (01.08.1931–09.03.1933), — это счетовод в отделе капитального строительства на строительстве областной базы «Уралснабсбыта».

Сложно сказать, что служило основной причиной столь коротких периодов занятости. Возможно, что его нанимали для выполнения конкретного задания

или на время отсутствия основного работника; возможно, что сказывались статус «лишенца» или состояние его здоровья. Отметим, что Лагуткин постоянно находил работу бухгалтера или счетовода и уже не занимался неквалифицированным трудом, т. е. лишь отчасти можно говорить о нисходящей социальной мобильности и его депрофессионализации. Косвенно это свидетельствует о значительном дефиците не только специалистов, но и элементарно грамотных работников, спрос на которых резко возрос с реализацией на Урале первого пятилетнего плана.

Примечательно, что Лагуткину удалось встать на учет Биржи труда, благодаря чему он неоднократно находил для себя новые места работы на государственных предприятиях, пусть и на непродолжительное время, в то время как по общему правилу «лишенцев» не принимали на работу даже в кооперативные организации. Г. Алексопулос отмечает: «Советские институты, такие как профсоюзы, школы и заводы, требовали, чтобы люди демонстрировали свой статус полноправных граждан. Хотя ВЦИК прямо запретил эту практику в 1931 г., государственные учреждения продолжали требовать от людей представления документа (справки), подтверждающего их право голоса и, следовательно, право на трудоустройство, пенсию, страхование и т. д.» [Alexopoulos, p. 131].

Восстановление в избирательных правах. Бюрократические преграды, которые приходилось преодолевать В. И. Лагуткину, являлись стандартными для того времени. Отличительной чертой в данном конкретном случае является высокая активность заявителя и ярко выраженное стремление добиться восстановления в избирательных правах, которое проявлялось не только в экспрессивных текстах заявлений, но и в его действиях. Каждый отказ он оспаривал в вышестоящей избирательной комиссии. Поездка Лагуткина в Москву в Центральную избирательную комиссию, где рассматривалось его заявление, не является уникальным обстоятельством, но и не была типичным.

Делопроизводственная переписка по делу Лагуткина весьма обширна: 29 марта 1930 г. — первое заявление в Городской совет с просьбой о восстановлении; 21 мая 1930 г. — отказ Горсовета; новое заявление и 30 мая 1930 г. — отказ Областной избирательной комиссии; 17 июня 1930 г. — заявление в Уральский облисполком с просьбой о восстановлении, а в случае отказа Лагуткин просит направить дело в Центр; 19 июня 1930 г. — дело было передано во ВЦИК; 25 июня 1930 г. — заявление в Президиум ВЦИК; 04 июля 1930 г. — повторное заявление в Президиум ВЦИК, которое было им написано в Москве.

«Механизм формального восстановления прав, — по мнению Г. Алексопулос, — благоприятствовал имеющим связи, более грамотным и тем, кто, по словам одного из заявителей, “имел средства съездить в область и даже в ЦИК и устроить шумиху (хлопотать)”» [Alexopoulos, p. 135]. Однако дело В. И. Лагуткина не подтверждает этот вывод, поскольку, имея высокий уровень грамотности и проявив настойчивость, даже совершив поездку во ВЦИК, он не добился восстановления, возможно, из-за отсутствия необходимых связей.

12 июля 1931 г., после отказа ВЦИК, Лагуткиным было написано еще одно заявление в Городской совет с просьбой о восстановлении. Его целесообразность можно поставить под сомнение, если не учитывать, что до момента принятия окончательного решения гражданин при поиске работы мог ссылаться на то обстоятельство, что его дело находится на рассмотрении, что бюрократический процесс еще не завершен и шансы на восстановление у него имеются. Таким образом, Лагуткин пытался выиграть время и найти работу. Именно бюрократической процедурой, а не устойчивой верой в справедливость можно объяснить его настойчивые попытки добиться рассмотрения дела в высших инстанциях.

Идеологические, правовые и гуманистические основы аргументации.

В. И. Лагуткин четко и ясно излагал свою позицию, приводил целый ряд аргументов при обосновании своей позиции. Его письменная речь образная, яркая и эмоциональная, что свидетельствует о его начитанности, богатом словарном запасе, а также о чрезвычайно высоком психологическом напряжении в момент создания текстов.

Для достижения поставленной цели «лишенцы» выбирали оборонительную или наступательную стратегии. Абсолютное большинство выступало с «покаянием», не оспаривало обоснованности лишения избирательных прав, использовало уничижительные самооценки. Другие, напротив, активно отстаивали свою позицию, доказывая неправомерность лишения их избирательного права [Килин, 2018, с. 552–554]. Г. Алексопулос предлагает классификацию, включающую в себя шесть вариантов: 1) категорическое отрицание обвинений; 2) обвинение или донос на другого, кто был ответственен за отнесение просителя к «лишенцам»; 3) оправдание того, что деятельность была случайной и временной, и не отражает истинную профессию или склонности просителя; 4) жалоба на то, что проситель находится в отчаянии и заслуживает сочувствия читателя; 5) претензии к неправомерной идентификации; 6) представление себя в качестве «советского человека», демонстрирует лояльность и трудовые достижения [Alexopoulos, p. 102].

Содержащиеся в заявлениях В. И. Лагуткина аргументы можно подразделить на следующие группы: 1) идеологического плана, свидетельствующие о классовом родстве просителя с советской властью; 2) формально-логические, базирующиеся на знании нормативно-правовых актов; 3) аргументы, вытекающие из тяжелых материальных условий; 4) основанные на оценке состояния здоровья просителя. Таким образом, он использует как логические доводы, так и эмоции, апеллирует как к букве и духу закона, так и к гуманизму и состраданию.

Набор аргументов закономерен, поскольку мы имеем дело с «делопроизводственной биографией», которая создается с конкретной целью, в данном случае — восстановление в избирательных правах [Зарецкий; Волошина, Литвинов]. Соответственно соавторами заявления могут считаться, помимо самого заявителя, непосредственные адресаты — члены избирательной комиссии. Как показывает анализ личных дел «лишенцев», решение о восстановлении или

отказе в восстановлении принималось по формальным основаниям. Соответственно при описании своего жизненного пути гражданин должен был сделать акцент именно на тех обстоятельствах, которые учитывались членами комиссии.

Приведем наиболее наглядные примеры высказываний, в соответствии с предложенной нами классификацией:

1. *Аргументы идеологического характера* сводились к следующим: «из крестьян»; «принадлежу к числу трудящихся»; «из меня получился такой пролетарий, каких мало»; «наемного труда я вообще не имел никогда, даже прислуги никогда не было»; «[я] лицо, не эксплуатировавшее в жизни других, наоборот, был эксплуатирован другими в течение 25 лет»; «трое детей работают на общее благо страны»; «я являлся наилучшим проводником: календарей, букварей, учебников, портретов и др. культурно-просветительных товаров, внося этим просвещение в массы»; «на мой вопрос секретарю Облисполкома: почему вами восстановлены в правах гражданства двое книжников города Свердловска Шарнин Алек[сей] Николаевич и Старцев Дмитрий Иванович, он мне ответил, что они восстанавливаются как букинисты, и не имели канцтоваров. Таковой его довод мне показался довольно неубедительным. Кто же больше ценится? Тот, который больше проводил старую, отжившую книгу, или тот, который проводил исключительно новую. Правда, я начал работу тоже со старой книгой, но в 1923 г. принципиально прекратил ее иметь, по причине того, что им замусоривалось само дело и выглядело грязным».

Действительно, реализуя «новую книгу», созданную при советской власти, В. И. Лагуткин мог позиционировать себя как пропагандист и работник идеологического фронта, распространяющий идеи советского строя в массы.

2. *Правовая аргументация* была отражена в следующих фразах: «этот первый вариант моей жизни (до начала частной торговли. — А. К.) всецело относит меня к семье трудящихся и по Конституции СССР я должен быть полноправным гражданином»; «если и взялся за книжную торговлю, то это было вызвано исключительно моим плохим здоровьем <...> следовательно, таковая моя работа являлась вынужденной»; «книжники приравниваются к разряду кустарей-одиночек, имеющих все права гражданства»; «так жить нельзя (при конфискации имущества и отсутствии средств к существованию. — А. К.) и людей подвергать такой тяжелой пытке, ни в чем неповинных — преступно»; «принять меня (на работу. — А. К.) как лишенца без Биржи не могут».

В Инструкции о выборах 1926 г. говорилось, что не могут быть лишены избирательного права, среди прочих, «безработные рабочие и служащие (состоявшие на учете посреднических бюро труда)» [Об утверждении инструкции о выборах..., с. 891]. В заявлениях «лишенцев» неоднократно подчеркивалось, что именно безработица вынудила их заняться торговлей, но в большинстве случаев их торговля не была выше I или II разрядов, носила временный или сезонный характер.

Анализ личных дел демонстрирует широкое распространение правовой аргументации, при этом заявители цитировали нормативно-правовые акты,

призывая как соблюдать правовые нормы, так и согласовывать решения комиссии с духом революционной законности, типичной являлась апелляция к идее справедливости, к этико-нравственным и традиционным (порой религиозным) ценностям [Раннесоветское общество..., с. 186–187].

3. *Аргументы материального плана*: «объем моего дела был довольно незначительным, с годовым оборотом от 19 до 24 тыс. руб., так что личная доходность не превышала 150 руб. в месяц»; «пять человек детей»; «работаю, несмотря на плохое здоровье»; «работники по книжному делу всюду нужны и принять меня не могут лишь потому, что я не имею прав гражданства»; «проживая последние монатки (т. к. имущество, товар, деньги — отобраны и из дому выселены)»; «доедая скудные запасы продуктов».

Оборот торговли и ее доходность являлись важными, но трудно учитываемыми показателями, однако именно их предлагали использовать современники при отнесении торговли к «крупной» или «мелкой», «капиталистической» или «пролетарской». С. Г. Струмилин с определенной оговоркой относил «все частные торговые заведения III разряда к категории извлекающих прибавочную ценность, т. е. капиталистических по своей природе» [Струмилин, с. 260–261].

Отметим, что упоминание Лагуткиным своих коллег, торговавших букинистической литературой и восстановленных в избирательных правах, является показательным примером, поскольку торговля «старьем» и букинистической литературой могла осуществляться по патенту I или II разряда, а новой книгой — исключительно по третьему. Помимо ассортимента, основанием для отнесения торговли к III разряду могло являться наличие отдельно стоящего помещения с собственным входом.

4. *Состояние здоровья* характеризовалось следующим образом: «слабое здоровье»; «порок сердца с 19 лет, на черных работах работать не могу»; «слабые легкие; резкое малокровие». Как Лагуткин писал в своей биографии, в 1904 г. медицинская комиссия на призывном пункте признала его негодным к воинской службе, диагностировав порок сердца. В личном деле имеется заключение по итогам медицинского освидетельствования, проведенного 25 июня 1930 г. в учреждении Свердловского окружного отдела здравоохранения, в котором был подтвержден диагноз — порок сердца, а также «резкое малокровие» [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 4289, л. 13]. Позднее у В. И. Лагуткина было выявлено психическое расстройство. Работать он уже не мог и с 20 июня 1933 г. находился на лечении в психиатрическом бараке Камышловской советской больницы. Поскольку к этому времени его жена была на иждивении сына, который работал электромонтером в Камышлове, то В. И. Лагуткина поместили в больницу по месту проживания родственников. Со 2 сентября по 23 октября 1933 г. В. И. Лагуткин находился на обследовании в психиатрической лечебнице в Перми.

Этот фрагмент биографии В. И. Лагуткина мы можем восстановить на основании материалов личного дела его жены — Марии Васильевны. В ее заявлении в Свердловскую избирательную комиссию говорится следующее:

Мой муж, Лагуткин Василий Иванович, как бывший торговец, лишен избирательных прав, причем избирательных прав лишена и я как иждивенка мужа. В настоящее время я более на иждивении мужа не состою, так как мне помогают мои взрослые дети (мне 50 лет) и т. к. мой муж психически больной, находится ныне в Пермской психиатрической лечебнице и сам находится на иждивении больницы. <...> Вследствие этого прошу лишение избирательных прав с меня снять и меня в избирательных правах восстановить [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 4292, л. 6].

19 августа 1934 г. ее просьба была удовлетворена.

Homo soveticus: нормы и аномалии. Как уже отмечалось, восстановление в правах являлось насущной необходимостью в условиях ликвидации многоукладной экономики. Этот тезис совершенно иначе звучит в изложении отчаявшегося человека. Свое положение В. И. Лагуткин описывал следующим образом:

Я имею право претендовать на ту обиду, которая наносится мне к концу ликвидации частной торговли вообще: лишившись своего дела, а также и средств, находившихся в моем распоряжении, я, естественно, должен где-то работать, но и этой прелести я как лишенец получить нигде не могу. Несмотря на то, что мной сделаны попытки работать не только по своей специальности, но и по другим видам работ, где меня, как лишенца, снимают с работы <...> Скажите, какое преступление мной сделано? И заявляю, если я действительно являюсь преступным элементом, отдайте под суд и, если заслужил, то расстреляйте. Это будет лучшая расплата за свой грех, чем быть манекеном и быть заживо погребенным в тот момент, когда есть работа и нужны люди. Еще раз настоятельно прошу восстановить в правах гражданства, чтобы я мог еще поработать на этом культурно-просветительном фронте [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 4289, л. 15 об.].

Анализ личных дел «лишенцев», делопроизводственных документов и кадрового состава избирательных комиссий позволяет сделать вывод о том, что решения о восстановлении в избирательных правах или об отказе в восстановлении принимались по формальным основаниям, в соответствии с бюрократической процедурой. По этой причине В. И. Лагуткин практически не имел шансов на восстановление из-за отсутствия пятилетнего стажа общественно-полезной деятельности, т. е. он не прошел своего рода карантина для «заразившихся» частной торговлей. Как писал один из заявителей: «Частная торговля, как говорится, зараза — заразился и я» [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 93, л. 3]. Итоговым документом в деле является решение Президиума Уральского облисполкома, которое датировано 20 мая 1934 г.:

Лишен как бывший торговец <...> проситель с 1921 по 1930 гг. включительно занимался торговлей по патенту III разряда, с 1931 г. работает счетоводом. Учитывая, что торговля велась в течение 9 лет, по своим размерам относилась к разряду крупной и проситель с момента ликвидации таковой не имеет пятилетнего трудового стажа — отказать [ГАСО, ф. 88-р, оп. 6, д. 4289, л. 1].

По данным, имеющимся в деле его жены, В. И. Лагуткин умер 29 октября 1933 г. в Камышлове в возрасте 50 лет, от психического расстройства.

Особенность данного дела и трагизм ситуации подчеркивается тем обстоятельством, что последнее решение об отказе в восстановлении избирательных прав было вынесено уже после смерти заявителя. Оно было принято на основании имевшихся в деле документов и не учитывало того обстоятельства, что душевнобольные, при наличии медицинского освидетельствования, лишались избирательного права. По этой причине, решение о восстановлении или об отказе в восстановлении в избирательных правах на основании факта занятия торговлей уже не имело смысла. Однако комиссия не учла данное обстоятельство, и этот факт можно интерпретировать следующим образом: бюрократическая машина инертна и консервативна; вынесенное решение, подтвержденное на уровне вышестоящей избирательной комиссии, не подлежало пересмотру; классовую бдительность было уместнее и целесообразнее проявлять на примере выявления частных предпринимателей, а не душевнобольных; как вариант, члены комиссии не интересовались дальнейшей судьбой заявителя.

В связи с тем, что нам известен эпилог, несколько иначе может быть интерпретирован радикализм высказываний Лагуткина, например, как форма протеста, вызов или как не соответствующий деловой переписке авторский стиль изложения. Самое простое объяснение — это связать подобного рода высказывания с его психическим расстройством. Отметим, что ни в одном из ранее проведенных медицинских обследований врач не ставит такого диагноза. Это позволяет сделать вывод о том, что к такому состоянию его привело как в целом ослабленное здоровье, так и те жизненные испытания, которые выпали на его долю, в том числе и лишение избирательных прав, а также перипетии с поиском работы. Можно представить себе человека, который на протяжении 34 лет занимался книжным делом, после революции считал себя лояльным и деятельным сторонником новой власти, вполне успешно осуществлял хозяйственную деятельность, не был на иждивении государства, а затем оказался в роли маргинала и изгоя.

Выводы. Частное предпринимательство в сфере торговли, как массовое явление в годы нэпа, приводило к противоречивым результатам. На макроуровне позволяло возродить утраченные в годы гражданской войны хозяйственные связи и восстановить экономику страны; на микроуровне давало возможность автономного существования личности, обеспечивало самозанятость граждан, позволяло добиться минимального (или оптимального) уровня материального обеспечения. Однако, вслед за выдачей патента на частное промысловое занятие (свыше первого разряда) следовали лишение избирательных прав и целый ряд сопутствующих ограничений, которые распространялись как на самого гражданина, так и на членов семьи, находящихся на его иждивении. Парадокс заключался в том, что ограничениям подвергались не только представители «бывших» и «враждебных классов», но и «новые» предприниматели, деятельность которых была не только легальной, но и необходимой государству.

Если рассматривать эту проблему в более широком контексте, то следует говорить об активном использовании механизмов негативной социальной

селекции, которые были направлены на формирование «нового советского человека» — «негативной» с точки зрения прав и свобод личности возможности ее автономного существования, когда обобществлению или огосударствлению подвергались не только секторы экономики, но и граждане.

П. Сорокин в 1922 г. связывал процесс «отрицательной селекции, производящей отбор “шиворот-навыворот”» с экстремальными историческими периодами — войнами и революциями [Сорокин, с. 188], но эти тенденции можно проследить и в относительно мирный период нэпа.

Если попытаться дистанцироваться от эмоционально окрашенных и резко оценочных суждений, то противоречие, которое содержалось в экономическом — условно рациональном, и политическом — иррациональном (идеологически детерминированном) поведении, способствовало социальной дезориентации личности и могло губительно сказаться на ее психологическом здоровье. Биография Василия Ивановича Лагуткина наглядно иллюстрирует этот тезис.

Источники

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 88-р. Оп. 6. Д. 93, 4289, 4292; Оп. 9. Д. 2.

О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета № 233 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. № 18, 10 апреля 1930. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 261–263.

Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда советов: Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета № 577 от 28 сентября 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. № 75, 26 ноября 1926. Отдел первый. С. 888–896.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 127.

Исследования

Волошина С. В., Литвинов А. В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40–54. <https://doi.org/10.17223/23062061/10/3>

Давыдов А. Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929). СПб.: Евразия, 2021.

Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / [пер. с англ. В. Н. Морозова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

Зарецкий Ю. П. Моя жизнь для Государства: Массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 107–127.

Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование: 1918–1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2009.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Килин А. П. «Список лиц, не имеющих права избирать и быть избранными»: к истории создания документа // Документальное наследие и историческая наука : материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020а. С. 595–600.

Килин А. П. Судьба человека в переломную эпоху: книготорговец и «лишенец» В. И. Лагуткин (1883–1933) // Двенадцатые Татищевские чтения : всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.) : материалы / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : КВАДРАТ, 2020б. С. 305–310.

Килин А. П. «Homo economicus» & «homo soveticus»: теоретические конструкции в практиках экономического поведения советского человека // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В. М. Амиров, А. В. Антошин, В. И. Бортников [и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2021. С. 49–67.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.

Поршнев Г. И. История книжной торговли в России. М. : Гос. изд-во, 1925.

Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : в 2 ч. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011.

Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России : Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М. : Мир истории, 2003.

Сорокин П. А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 181–203.

Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Гос. изд-во, 1930.

Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2011.

Фицпатрик III. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011.

Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В. М. Амиров, А. В. Антошин, В. И. Бортников [и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2021.

Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, NY : Cornell Univ. Press, 2003.

Ball A. M. *Russia's Last Capitalists: The Nephews, 1921–1929*. Berkeley : Univ. of California Press, 1990.

References

Alexopoulos, G. (2003). *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Ball, A. M. (1990). *Russia's Last Capitalists: The Nephews, 1921–1929*. Berkeley: University of California Press.

Davydov, A. Yu. (2021). *Novaia ekonomicheskaiia politika: vlast', narod, khoziaistvo v poslerevoliutsionnoi Rossii (1921–1929)* [New Economic Policy: Power, People, and Economy in Post-Revolutionary Russia (1921–1929)]. St Petersburg: Evraziia.

Davies, S. (2011). *Mnenie naroda v stalinskoii Rossii: Terror, propaganda i inakomyslie, 1934–1941* [Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941]. Moscow: ROSSPEN.

Fitzpatrick, Sh. (2011). *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moscow: ROSSPEN.

Karpycheva, E. V. (2009). *Lishenie izbiratel'nykh prav za zaniatie chastnoi torgovlei po Tverskomu regionu: istochnikovedcheskoe issledovanie : 1918–1936 gg.* [Disenfranchisement for Engagement in Private Trade in Tver Region: A Source Study: 1918–1936] (doctoral dissertation). Moskovskii oblastnoi gosudarstvennyi universitet, Moscow.

Kilin, A. P. (2018). *Chastnaia torgovlia i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsial'nye aspekty* [Private Trade and Credit in the Urals during the NEP: Economic, Political, and Social Aspects]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Kilin, A. P. (2020a). “Spisok lits, ne imeiushchikh prava izbirat' i byt' izbrannymi”: k istorii sozdaniia dokumenta [“List of persons not entitled to vote and be elected”: On the History of Creating the Document]. In L. N. Mazur (Ed.), *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaia nauka: materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posviashchennogo 50-letiiu istoriko-arkhivnoi spetsial'nosti v Ural'skom universitete. Ekaterinburg, 11–12 sentiabria 2020 g.* [Documentary Heritage and Historical Science: Materials of the Ural Historical and Archival Forum Dedicated to the 50th Anniversary of the Historical and Archival Area of Expertise at Ural University] (pp. 595–600). Yekaterinburg: Ural University Press.

Kilin, A. P. (2020b). Sud'ba cheloveka v perelomnuui epokhu: knigotorgovets i “lishenets” V. I. Lagutkin (1883–1933) [The Fate of Man in a Critical Era: The Bookseller and a “Lishenets” V. I. Lagutkin (1883–1933)]. In I. V. Poberezhnikov (Ed.), *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniia: vsrossiiskaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (Ekaterinburg, 19–20 noiabria 2019 g.)* [12th Tatishchev Readings: All-Russian Scholarly and Practical Conference (Yekaterinburg, November 19–20, 2019): Materials] (pp. 305–310). Yekaterinburg: KVADRAT.

Kilin, A. P. (2021). “Homo economicus” & “homo soveticus”: teoreticheskie konstruksii v praktikakh ekonomicheskogo povedeniia sovetskogo cheloveka [“Homo economicus” & “homo soveticus”: Theoretical Constructions in the Practices of Economic Behaviour of the Soviet Man]. In Yu. V. Matveeva, & Yu. A. Rousina (Eds.), *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra* [The Soviet Man: pros and cons = Homo soveticus: pro et contra] (pp. 49–67). Yekaterinburg: Ural University Press.

Matveeva, Yu. V., & Rousina, Yu. A. (Eds.). (2021). *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra* [The Soviet Man: pros and cons = Homo soveticus: pro et contra]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Mazur, L. N. (Ed.). (2018). *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg.* [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930] (Pt. 2 : Sovetskoe obshchestvo: kul'tura, soznanie, povedenie [Soviet Society: Culture, Consciousness, Behaviour]). Yekaterinburg: Ural University Press.

Narsky, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Disaster: Everyday Life of the Population of the Urals in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN.

Porshnev, G. I. (1925). *Istoriia knizhnoi torgovli v Rossii* [History of Book Trade in Russia]. Moscow: State Press.

Repina, L. P. (2011). *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaiia praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow: Krug.

Smirnova, T. M. (2003). “Byvshie liudi” Sovetskoi Rossii: Strategii vyzhivaniia i puti integratsii, 1917–1936 gg. [“Former People” of Soviet Russia: Survival Strategies and Ways of Integration, 1917–1936]. Moscow: Mir istorii.

Sorokin, P. A. (1992). Sovremennoe sostoianie Rossii [The Current State of Russia]. *Novyi mir*, 4, 181–203.

Strumilin, S. G. (1930). *Ocherki sovetskoi ekonomiki: resursy i perspektivy* [Essays on the Soviet Economy: Resources and Prospects]. Moscow: State Press.

Tverdyukova, E. D. (2011). *Gosudarstvennoe regulirovanie torgovli v SSSR (konets 1920-kh – sredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoi analiz* [State Regulation of Trade in the USSR (Late 1920s – mid-1950s): Historical and Legal Analysis]. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.

Voloshina, S. V., & Litvinov, A. V. (2016). Anatomiiia deloproizvodstvennoi avtobiografii v Noveishei istorii Rossii: kompozitsiia i sodержanie tekstov [Anatomy of Clerical Autobiography in the Modern History of Russia: Composition and Content of Texts]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, 1 (10), 40–54. <https://doi.org/10.17223/23062061/10/3>

Zaretsky, Yu. P. (2019). Moia zhizn' dlia Gosudarstva: Massovaia praktika sostavleniia deloproizvodstvennykh avtobiografii sovetskimi liud'mi [My Life for the State: Mass Practice of Making Office Autobiographies by Soviet People]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3 (157), 107–127.

Килин Алексей Павлович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения, архивоведения
и истории государственного управления
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

Kilin, Alexey Pavlovich

PhD (History), Associate Professor,
Department of Documentation and
Archival Sciences and the History of Public
Administration
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia
Email: alexey.kilin@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1655-8730>
Scopus AuthorID: 57200178992